

— Уже два года продолжается война, а это означает, что русской военной эмиграции уже тоже два года. Это очень большой срок, но становится ясно, что всё-таки Россия не отпускает нас, мы постоянно живём в российской повестке. Как тебе кажется, почему так происходит?

— Кажется, что мы, как, в общем-то, и все эмигранты во все века, всё ещё пытаемся оправдать, объяснить себе наш отъезд, отказ от привычной жизни, от друзей, у многих даже и от родных. Осталось очень много матерей в России. Все это — попытка объяснить себе, что мы сделали правильный выбор. Насколько это здоровое чувство, насколько оно нас тормозит и не даёт интегрироваться в армянское общество, наверное, мы поймём это в последствии. Но сегодня факт, что мы всё-таки очень крепко держимся в российских новостях.

— Абсолютно то же самое нам постоянно говорят с той стороны, из России, что если уехали — всё уехали, отрежьте, забудьте о нас. Но нет, у нас это не получается.

— Мне кажется, что это как в отношениях: если люди расходятся и больше не говорят друг о друге, наверняка они спокойно создадут новые отношения. Но если постоянно выяснять эти отношения, если всё время напоминать друг другу о том, что у тебя что-то не получилось, разойтись сложно. И с Россией происходит ровно то же самое. Может быть, мы бы и были рады успокоиться, начать уже новую жизнь, но Россия всё время напоминает нам, что мы предатели, что нам будет плохо, что мы умрем на помойке, когда у нас отнимут последнее. И эта склока затягивает нас ещё глубже, а попытка оправдать свой отъезд — конечно же, это очень глубокая травма. И по сути это всё соответствует принятым в американской психологии этапам эмиграции, которая начинается с эйфории, если она планировалась. В данном случае она начиналась с шока. Я приехал в самом начале в марте, это были люди испуганные, шокированные, я помню лица людей, которые не понимали что происходит. Однако они чувствовали какую-то масштабность, историчность этого момента.

— Было чёткое ощущение, что это временно. Это очень странная миграция, поскольку люди уехали не чтобы жить, не чтобы начать новую жизнь, а чтобы переждать тяжёлые времена.

— Да, это ощущение, которое мы все пережили в самые первые месяцы, особенно в марте, что мы уезжаем на несколько недель, на месяц, может быть, на два. К сожалению, это чувство, оно очень сильно у многих затянулось. Я помню, как лично я в начале двадцать третьего года поставил в Фейсбуке, что я переехал Ереван. Я вдруг понял, что я должен это сделать, что у меня уже что-то сложилось здесь и внутри сложилось, и я должен совершить этот, может быть, очень такой глупый символический жест. Но это поставит какую-то точку в моих отношениях с Россией и начнёт новую главу здесь. Но я знаю огромное количество людей, которые не готовы поставить точку в отношениях с Россией, и здесь им тоже оказалось не настолько комфортно, как казалось первое время.

— Никто не знает, в какой момент можно считать, что всё в порядке, всё закончилось. Мы все очень хотим, чтобы закончилась война, чтобы люди перестали погибать, но надо себе отдавать отчёт, что по большому счёту окончание войны не решает ни одной нашей проблемы и ни одной проблемы России. Проблемы эти гораздо глубже. Это, что называется, условие обязательное но оно недостаточно.

— Я уезжал, четко понимая, что война даже если за кончится очень быстро, она уже очень глубоко изменит нарратив общества, в котором я жил. И я понимал, что скорее всего вернуться не получится. Я очень надеялся, что всё-таки смогу хотя бы приезжать, жить в Москве время от времени. Но жизнь Ереване нас очень сильно затянула. Здесь всё равно мы больше чувствуем отдачу своих дел, своих поступков. Мне многие сейчас говорят: «Ну, скоро же всё закончится, вы все вернётесь, вам же там очень дорого жить,

здесь было бы проще». Мне кажется, это искажённая постановка вопроса. Почему вообще кто-то сказал, что мы должны свою жизнь планировать, исходя из того, где дороже, где есть какие-то ресурсы, а где их нету. Мы здесь, в эмиграции, поняли, что есть и другие ценности. Свобода, какой-то внутренний психологический комфорт. Если говорить об отношениях с Россией, вот этот нарратив, что вы обязательно должны вернуться, по моему, он не совсем правильный. Человек уехал, он хочет жить за пределами России и у него финансовые проблемы, но он может развиваться, он может осваивать новой профессии, идти дальше. И вот это мне очень неприятно, когда нам всё время говорят, что у нас закончились деньги и надо возвращаться. Не только это является основой нашей эмиграции здесь.

— Представь себе, что вдруг завтра подписывают мир и вроде бы всё в порядке. Но насколько можно сделать вид, что этого не было? Мы уехали из страны, которая развязала войну, которая творила ужасные вещи. Но вот всё закончилось. И если нам сейчас скажут: «Ребята, вышла ошибка, погорячились. Давайте забудем все, начнём с чистого листа. Никакого Мариуполя не было, никакой Бучи, всё в порядке, возвращайтесь» — это очень странно.

— Смотри, здесь должно сойтись много факторов. Мы должны понимать: если мир будет подписан, если война закончится, кто будет у власти в России? Если это будут примерно те же люди, которые просто решат закончить войну, чтобы наладить отношения с Западом, что от этого изменится? Мы будем жить с теми же людьми, которые поддерживали эту войну, которые проклинали тех, кто уезжал, называли наркоманами, говорили, что воздух в Москве от нас очистился. Конечно, градус ненависти, агрессии, который есть сегодня в российском обществе, я не думаю, что он снизится просто от того, что мы признаем право Украины на какие-то территории или Украина признает. Я не вижу каких-то скорых изменений в самом обществе.

— Примерно год назад я спросил своих подписчиков на Фейсбуке: за что вы ненавидите Путина? И мне все стали писать: за то, что Путин развязал войну с Украиной. А до начала войны у нас был какой-то другой президент? Всё было в порядке? Вас всё устраивало?

— Когда я был ещё в Москве в начале войны и видел, как люди принимают решения, было чётко видно, что для людей вдруг неожиданно появилась эта точка невозврата. А для кого-то до сих пор она еще не прошла. И как будто бы странно связывать только с войной эту точку невозврата. Для многих людей она произошла ещё намного раньше, они уехали ещё раньше, ещё с Крыма. Им показалось, что их привычный мир рушится, они стали уезжать массово. Опять же, есть в этом небольшое лукавство. Всё-таки если бы не было санкций, если бы людям не пришлось перевозить свои бизнесы, вполне возможно, что многие, кто уехал, они остались бы, это тоже нужно признать.

— Нам сложно представить, что там продолжается жизнь, потому что мы уже тут, а им непросто представить, что у нас какая-то жизнь. И это взаимное непонимание, это очень странно, поскольку вроде бы открытый мир, вроде бы работает интернет, но ощущение, что мы теперь находимся на разных планетах.

— Абсолютно. В декабре 2022 года мне нужно было съездить в Россию. К тому времени я уже где-то 9 месяцев прожил в Ереване. Кажется, не очень большой срок, но в условиях войны, в условиях такого невероятного эмоционального напряжения это, конечно, для многих из нас было довольно большое время, да. И я вернулся. Пообщался с друзьями, их не так много у меня осталось там, но они довольно близкие и важные для меня люди. Но, честно говоря, я почувствовал полное отчуждение и моё отчуждение от этого города. «У вас действительно происходит какая-то жизнь там? У нас тут спектакли, кинопоказы, фестивали. А что у вас?». Совершенное непонимание того, что, да, может

быть, мы начинаем немножко с нуля многие процессы, но для нас это ещё более важно, чем устоявшиеся процессы там, на родине. Да, это вот удивительно, в марте 2022 года и в сентябре, когда началась мобилизация, люди уезжали с полным ощущением, что за ними всё закроется, рухнет... К сожалению, эта теория не только про то, что люди выходят из шока и находят себя, она ещё и про то, что в середине этого находится депрессия. И к сожалению, я вижу, что сегодня после ситуации в Арцахе, которую мы очень тяжело все пережили, помогали беженцам, как свою боль это всё прожили, и война в Израиле, здесь много людей с еврейскими корнями, и необязательно с еврейскими, просто у многих сегодня есть друзья в Израиле, и тоже это мы пережили, как свою боль, и сегодня, к сожалению, эмигрантское комьюнити находится в очень депрессивном состоянии.

— А может быть, нам не стоит больше в принципе заниматься Россией? У нас это не получается. Может быть, стоит наконец-то выстраивать свою жизнь, заниматься с собой? Нам есть чем заняться: близкие, творчество, работа, семья... Может быть, это важнее?

— Ну, вообще, с самого первого дня я призывал людей жить новой жизнью и адаптироваться, пройти тяжёлый период адаптации, принятия эмиграции, принятия нового дома, но поскорее его пройти. Для меня самого этот период был очень активным и деятельным. И сегодня я вижу, что мы проходим тяжёлую депрессивную стадию. Но это нас ещё больше сплачивает, тех, кто остался, тех, кто действительно принял решение не возвращаться и не ехать дальше. Да, нас стало, наверное, раза в два меньше. Но мы можем ближе общаться и создавать новые проекты, и это какая-то уже более тесная для нас, связь внутри комьюнити. Я вообще считаю, что нужно было эту миграцию принять с самого первого периода, ещё с весны. Я помню этот период, когда я шёл по солнечному Еревану. Это был начало апреля, я много думал о том, где мне жить, оставаться ли здесь или ехать куда-то ещё. Я помню этот момент, как я принял решение, что я больше не думаю о России и живу совершенно другой жизнью, строю жизнь здесь.

— Мне это кажется логичным, потому что если бы я мог что-то сделать там, я бы остался в России, я бы просто не уехал. Я уехал именно из-за полной невозможности изменить эту ситуацию. А сидеть и спокойно смотреть, как уничтожают твою страну, соседнюю страну — это выше моих сил. Я уехал, чтобы жить как-то иначе, а не чтобы эти страшные вещи продолжали происходить со мной.

— Мы можем сейчас много говорить и призывать людей к тому, чтобы принять тот шаг, который они совершили, но всё равно нужно признать, что это огромная психологическая рана, которая не закроется и через 10 лет. Это рана для тех, кто уехал, они оправдывают свой отъезд, читая новости, ужасаясь несправедливостям, которые творятся в России, и говорят себе: «Да, я правильно сделал, хорошо, что я уехал вовремя». Те, кто остался, также оправдывают то, что они остались, читая много всяких фейковых новостей про то, как нам тут тяжело, как нас тут притесняют, как тут дорого и так далее. Я помню комментарии в мой адрес: кто уехал? только айтишники и наркоманы. И это говорят не бабушки на скамейках, а довольно молодые парни и девушки в интернете, они тоже оправдывают тем самым то, что они остались. К сожалению, мы становимся всё дальше друг от друга. И будет сложно потом это всё обратно вернуть и договориться о чем-то. Поэтому мы можем говорить много сейчас обнадеживающие слов, и действительно, надо принять тот выбор, который ты сделал и развиваться дальше, но эта рана — она зияющая, и это действительно очень-очень больно.

— Есть такой миф, что уехали богатые русские, потому что они могли себе позволить отъезд. На мой взгляд, это чушь. В первый год в самом деле у людей ещё были какие-то деньги, потому что люди привезли с собой накопления, если они были, а некоторые уезжали абсолютно пустые. Но всё-таки кто-то продолжал и продолжает квартиры сдавать, что сейчас приносит уже очень маленькие деньги. У кого-то оставался в

России бизнес, оставалась какая-то удалённая работа. Примерно через год всё это стало рушиться, стали кончаться деньги, и мы оказались в непростой ситуации. Как тебе кажется, что происходит сейчас? Непростой период выживания закончился или перешёл в хроническую стадию?

— У людей сегодня проблемы. Многие экономят, многие заведения, которые были открыты в Ереване эмигрантами, потихоньку закрываются, потому что они были основной аудиторией этих мест, и это огромная проблема. И те, кто не закрылся, вполне могут закрыться через какое-то время. Люди говорят: «Мы сегодня не выходим, потому что экономим». Проекты, связанные с кино, с культурой стали по чуть-чуть закрываться. Но я не вижу в этом поводов для того, чтобы возвращаться. Это повод переосмыслить опыт эмиграции и с новыми силами создавать новые проекты, продолжать то, что мы начали делать здесь. Да, есть какое-то разочарование, в начале 2022го и даже в двадцать третьем в самом начале люди клялись друг другу, что они точно остаются здесь, что они создадут множество полезных вещей для Армении, но я знаю много людей, которые уехали, в Россию вернулись просто из-за родных, из-за того, что там жена осталась или мама, или дети от первого брака. Это ещё один пласт людей, которые не хотят сегодня находиться в России, но их тянет просто потому, что там их семья. Не будем забывать о личностном росте, сегодня вообще эта тема самая популярная в социальных сетях, везде люди хотят быть более продвинутыми, более свободными, найти какие-то новые скиллы в себе, а эмиграция по сути — это идеальная школа для личностного роста. Ощущение свободы во всех смыслах, не только в политическом. Ты начинаешь делать то, что ты хочешь, выбираешь, какую-нибудь новую стезю. Например, одна моя знакомая всегда мечтала играть в театре. Она играла в детстве, в юности, а потом пошла в АйТи. А сейчас на Кипре они с подругами открыли любительский театр. Эмиграция позволяет тебе раскрепоститься и найти себя настоящего под всей этой шелухой квартир, машин, всего, что у тебя было в той же Москве. Всё это спадает, и ты понимаешь, кто ты на самом деле. Я помню первое интервью, когда был всплеск интереса к релокантам, и меня тоже позвали на первое моё интервью здесь. Я помню, как я смотрел другие интервью, и там никогда не было предыстории, никто не объяснял, как он тут оказался. Политическая тема была табуирована. Люди уехали, но старались не говорить публично, почему они уехали. И на первом интервью я попросил: «А давайте вы будете мне задавать эти вопросы». Потому что, если я уехал, если я хочу поменять как-то свой жизненный путь, наверное, нужно научиться отвечать на этот сложный вопрос.

— Мне вообще кажется, что мы все приехали очень запуганные. Просто в России мы не ощущали этого, поскольку это, видимо, было привычное чувство. Но я видел страх, это прямо испуганные лица. Прошло два года, и сейчас тоже не сказать, чтобы всё в порядке, но страх отступает. Здесь очень много проблем, я тоже с этим постоянно сталкиваюсь, это абсолютно понятные вещи: нехватка денег, поиск работы, проблемы с документами, жильё и так далее. И каждый раз, когда я с этим сталкиваюсь, я уже уверенно говорю: «Ничего страшного, справлюсь». Я понимаю, что в России сейчас всё это было бы гораздо хуже. Потому что чисто психологически люди сравнивают с тем, как они жили в России 5 лет назад, 15 лет назад. Но этой России уже нету. А сейчас были бы те же самые проблемы, но я ещё к тому же был бы унижен.

— Да, когда мне говорят о том, как здесь тяжело, о трудностях эмиграции в целом, я всегда возвращаюсь к опыту еврейской . Потому что еврейская история вся про эмиграцию. Люди бежали от гонений по всей Азии, по всей Европе. И они себя не теряли и друг друга не теряли. И продолжали создавать всё заново. Меня это вдохновляет. Да, к сожалению, иногда бывают времена, когда у тебя нет своего дома или тебе приходится его искать заново, но это не дно, на которое ты падаешь и не можешь подняться, наоборот.

— И есть люди, которым гораздо хуже, чем нам. По сравнению с многими

украинцами и арцахцами мы практически в шоколаде.

— Да, это тоже нужно не забывать. Я всегда говорю, если человек решился на эмиграцию, значит, того города, той страны, которые ему были дороги в воспоминаниях, скорее всего уже нет. Что-то его сподвигло, что изменило среду вокруг него, если человек уехал. Очевидно, что за это время, город и страна тоже сильно изменились. Понятно, что человеческая психика возвращается к каким-то идеальным моментам, но все-таки давайте понимать, что то, к чем люди хотят ментально как-то вернуться, этого уже нет, нужно строить свою жизнь здесь и сейчас, в тех условиях, в которых ты находишься.